

ЗАСЛОН × Литрес ≡

ИНЖЕНЕРЫ
СЛОВА

Минпромторг
России

ОХОТА ЗА БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИЯ ШУМСКАЯ

18+

Мария Шумская

Охота за бесконечностью

<https://litres.ru/73946104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сибирская фабрика «Заслон» выпускает инновационное средство для продления жизни. Оно меняет политическую карту мира, но вызывает этические споры. «Продленные» люди упиваются вечной властью, пока весь остальной мир стагнирует.

Иван, перспективный биоинженер, получает вакансию на фабрике. С первого же дня он ощущает напряженную атмосферу: шпиономания сводит руководство с ума, а рядовые работники теряют человечность под влиянием «Эпигенола». На фабрике регулярно происходят утечки. Никто не знает, кто за них в ответе, и все подозревают друг друга. Начальник безопасности Вадим разыгрывает свой пасьянс в борьбе с мнимыми и реальными врагами. Иван вовлекается в «бондиану по-сибирски» и обретает в этих поисках союзницу? Возлюбленную? Или свою гибель? Каждая глава - насмешка над версией предыдущей и новый слой матрешки с малахитовым узором.

Столкновение с неприятной правдой об истинных мотивах каждого сотрудника принуждает героев к переосмыслению деятельности «Заслона» и неожиданному финалу.

Мария Шумская

Охота за бесконечностью

Охота за бесконечностью

Глава 1. Иван в сибирской сказке

Вертолёт трясло, как «Ниву» на просёлочной дороге. Иван смотрел в иллюминатор на бескрайнее море тайги и пытался понять, зачем он вообще согласился.

— Слушай, а нас точно не похитили? — спросил он у пилота, пожилого мужика с лицом человека, который уже лет пятнадцать ничему не удивляется.

Пилот хмыкнул, не оборачиваясь:

— Похитили, конечно. Но зарплату платят как положено... Женат?

— Нет.

— Тогда это еще не самое страшное похищение в твоей жизни.

Иван усмехнулся. Вообще-то он был биоинженером, специалистом по синтетической биологии, и ещё полгода назад работал в обычном московском стартапе, где выращивали модифицированные дрожжи для производства коллагена. Скука смертная. А потом пришло это предложение: зарплата с пятью нулями, полный соцпакет, собственная лаборатория и допуск к технологиям, от которых у любого биолога случился бы экстатический припадок. Единственное «но» -

работать предстояло в закрытом кластере где-то в Красноярском крае, в месте, которого нет ни на одной карте. Но от него зависели рисунки, линии и цвета, определяющие расстановку сил на геополитической доске с фигурами.

— Почти прибыли, — пилот кивнул вниз. — Готовься, сейчас твой мир перевернётся.

— Посадка будет жесткая?

— Подписка будет плоская.

— Это как?

— Ну как? Знамо дело: кто подпишется, для того земля плоской станет. Никуда уже не полетишь.

Иван глянул вниз и сначала не понял, что видит. Среди тайги, зажатое в долине между двух скалистых хребтов, лежало нечто. Оно напоминало гигантскую стеклянную медуз, распластавшуюся на склоне горы. Симбиоз готического собора с теплицей выглядел жутко, но в этой жути поселилась непередаваемая красота. Гектары прозрачных куполов, оплётённых серебристой паутиной труб, уходили вниз по долине, а над ними возвышались вертикальные башни из кварцевого стекла - «световые колодцы», как потом узнал Иван, - внутри которых переливалось что-то густо-зелёное, живое.

— «Заслон», — произнёс пилот с неожиданной гордостью в голосе. — Добро пожаловать в будущее, сынок! И это, нашу мать-кормилицу не обижай! Утробушка ласку любит.

Впоследствии Иван узнал, что «утробушкой» аборигены прозвали живую фабрику по производству «молодильных

яблок», куда он приехал с целью извлечения карьерных перспектив и новых разработок.

Завороженный и растерянный, Иван рассматривал огромную постройку, которая «создала себя сама». Конечно, это было преувеличением. Из ничего на свете появляется лишь оберштурмфюрер, когда в кино замазывают свастику. А в мире, все еще обремененном причинно-следственными связями, тысячи людей прикладывали к чудо-фабрике свои усилия. На ней трудились многие специалисты с мировыми именами. Естественные, на первый взгляд, процессы требовали настройки, контроля и стратегического управления. Рутинные задачи люди делегировали роботам и нейросети, а сами сосредоточились на творческих и интеллектуальных вызовах эпохи. Продукт, который все они производили, изменил правила игры и требовал к себе ответственного отношения.

Иван прекрасно осознавал, насколько «Эпигенол» важен для страны. Эта прорывная разработка отвязала, наконец, Россию от газовой трубы и нефтяного танкера. «Философский камень» стал реальностью и ценился выше топлива, сырья и драгметаллов. Самые влиятельные люди превратились в самых уязвимых и зависимых. Война была проиграна без единого выстрела. Никто из них не мог бы устоять перед волшебным снадобьем, дарующим бессмертие. Даже обещание такого стоило невообразимо дорого. Поэтому теперь Россия стала управлять монополярным миром, где центром, командирской рубкой признан Кремль. Естествен-

но, все окна в красных башнях выходили на «Заслон». Более того, непримиримые ракеты башен даже наклонились в эту сторону, по примеру Пизы. Как примагнитченные, они слушали, присматривали, бдили, что происходит на закрытом предприятии. Было ясно, что Ивану все придется подписать, даже отречение от зарубежных отпусков и публикаций в узкопрофильных изданиях. Но он пошел сознательно на жертвы, ведь уникальная возможность проявить себя в большом и важном деле выпадает далеко не каждому и сулит такие перспективы, что кругом голова и вовсе не из-за посадки вертолета. Иван считал свое решение судьбоносным и правильным. Жалел же он, конечно, не о Турции с Египтом, а о том, что даже возвращение в Москву ему придется согласовывать с начальством. В родном Царицыне родители, друзья, да что уж там, вся жизнь, мелькнувшая пером Жарптицы и поманившая его собой. Неужели от всего придется отказаться?

Грустные мысли оборвал на полуслове веселый внутренний комбат: «Крууугом! Шагооом марш! Левоу!»». Так Иван прозвал неунывающего аватара идентичности, который часто выдавал ему пинки, тычки, наряд вне очереди и так далее. Комбат в тяжелые минуты помогал ему встряхнуться, собраться, выпустить из рук себя и взять проблему с намерением ее решить. Внутри себя Иван тянул носок и шел парадным строем до полного преодоления кризиса. «И никаких психологов не надо мужику!» - задорно подводил итог

командный голос.

Его внимание привлек огромный рекламный слоган: «Бессмертие принадлежит богам». Под этой пафосной сентенцией был визуальный ряд: в антураже фрески «Тайная вечеря» первые лица в бизнесе и управлении сидели вместе с голливудскими актерами, зеркально повторяя позы апостолов. Все молодые и красивые, как и следовало ожидать. В центре важно восседал амбассадор фармацевтического бренда - Богатый Йорик. Златовласый и голубоглазый юноша мог бы играть Христа, если бы не был так искусственно и нарочито хорош собой. Никто доподлинно не знал, откуда взялся Йорик, чем известен, но так ли это важно? «Богатого» от «Бедного», конечно, отличала жизнь, которую рекламщики умели продавать в обход одобренных природой механизмов. Навстречу Ване, глядя прямо ему в глаза, Богатый Йорик царственно протягивал флакончик, инкрустированный драгоценными камнями. ««Святой Грааль» - не выдумка церковников, а праздничный футляр для вашей вечной славы». Такие слоганы «Заслону» дозволялись. Обижаться было уже некому. Нравится - не нравится, все легли под пресс необходимости, увидев, как на деревянный стол со звуком шлепнулись смеющиеся карты флеш-рояля.

Глава 2. Экскурсия по Живой фабрике

Посадочная площадка оказалась вырублена прямо в скале. Иван вышел, поёживаясь от утреннего холода. В Москве сейчас плюс двадцать, а тут, несмотря на май, воздух обжи-

гал лёгкие ледяной свежестью. Пахло хвоей, мокрым камнем и чем-то неуловимым: смесью озона и влажной земли, как после грозы.

На площадке его встречали двое. Первый - коренастый бритоголовый мужик лет сорока в расстёгнутой штормовке поверх форменного поло. Он держался так, будто лично командовал этой горой.

— Иван Сергеевич? — он шагнул вперёд и крепко, почти агрессивно пожал руку. — Вадим Дмитриевич Кораблёв, начальник службы безопасности кластера. Добро пожаловать. Сейчас пройдем первичный инструктаж.

Второй была стройная девушка в лабораторном халате и лёгкой куртке. Она стояла чуть поодаль и смотрела на Ивана с откровенным любопытством.

— А вы, простите?... — Иван вопросительно поднял бровь.

— Юлия Николаевна Маркова, нейропсихолог, отдел когнитивных систем, — она улыбнулась. — Я провожу вас на экскурсию. Вадим Дмитриевич хочет сначала показать вам фабрику, а потом уже допрашивать.

— Не допрашивать, а инструктировать, — поправил Вадим без тени улыбки.

— Разумеется, — Юлия кивнула. — Идёмте, Иван. Могу без отчества? Уверяю, то, что вы сейчас увидите, стоит любого, даже самого пристрастного допроса.

Они прошли через шлюз - помещение, где их обдало

прохладным аэрозолем (дезинфекция поверхностной микрофлоры, пояснила Юля), - и оказались на балконе, нависающим над главным цехом. И тут у Ивана перехватило горло, как будто кто-то затянул петлей его пижонский галстук.

Его взору предстал кафедральный собор, в котором вместо сцен из Библии парила живопись переплетенных организмов. Огромное пространство под стеклянным куполом было залито светом, но не обычным: спектр напоминал горный, с повышенной долей ультрафиолета. Свет проходил через сложную систему зеркал и линз, концентрируясь на десятках вертикальных реакторов. Работали те самые «световые колодцы», которые Иван видел с воздуха.

Внутри реакторов, за толстым кварцевым стеклом, медленно циркулировала жидкость - изумрудно-зелёная, густая, подсвеченная изнутри мириадами микроскопических пузырьков. Это было завораживающе и пугающе одновременно: словно кто-то поймал и разлил по колбам полярное сияние.

— «Жидкий лес», — произнёс Иван.

Юля удивлённо на него взглянула:

— Вы знакомы с технологией?

— Читал пару статей. Симбиотическая система из трёх организмов: цианобактерия, гетеротрофные дрожжи и хищная бактерия для защиты. Замкнутый цикл, не требующий внешней стерилизации. Настоящая мини-экосистема.

— Почти правильно, — в голосе Юли прозвучало нечто

похожее на одобрение. — Только авторы статей не знают и половины того, что мы тут натворили. Не положено. Тайны за семью печатями охраняются у нас с оружием наизготовку. Наш штамм цианобактерий - *Synechococcus glacialis* - генетически модифицирован генами из антарктических лишайников. Он активно фотосинтезирует даже при двух градусах выше нуля. А хищная *Bdellovibrio sibericus* - полностью наша разработка, выведенная методом направленной эволюции. Она жрёт любые бактерии-контаминанты быстрее, чем те успевают размножиться. Естественный антибиотик и, конечно, саморегулирующаяся система. Хотя что я вам, биологу, все это объясняю? Вы лучше можете об этом рассказать.

— Когда узнаю то, что за семью печатями. А пока я у вас гуляю на правах студента. Вы не расскажете про дрожжи?

— *Yarrowia lipolytica*, арктический штамм. Кушают глюкозу от цианобактерий и выдают сложные жирные кислоты. Это сырьё для второй линии.

Иван кивал и дальше задавал свои вопросы, как будто посетил от делать нечего диковинный музей. Но за его неприужденностью и светским тоном скрывалась канонада бьющегося сердца. Он стал свидетелем научного явления, которое изменило мир, и был в шаге от того, чтобы присоединиться к его истории. Иван был так взволнован, что с трудом скрывал подрагивание голоса. Спокойствия не придавали и шаги Вадима за спиной. Он следовал на новичком, как вертухай - за подопечным, и Ваня бы не удивился, если бы узнал,

что у Вадима встроенный рентген для наблюдения за персоналом. Его неподвижные змеиные глаза напоминали о работе с дрелью: уставился в одну точку и напирает на сверло.

Они спустились по винтовой лестнице вниз, в подземную часть комплекса, - туда, где скала была вырублена под гигантские пещеры. Здесь царила почти полная темнота, только тусклые красные лампы освещали ряды огромных цилиндрических чанов, напоминающих винные бочки. Хорошо бы, но это были далеко не бочки.

— Вторая линия, — Юлия понизила голос, словно боялась потревожить обитателей чанов. — *Planaria altaica*. Сибирский планарий. Легендарный плоский червь - лучший друг скучающей миллионерши.

— Я знаю, кто это, росли вместе — намекнул Иван на одержимость биофака и подошёл ближе к одному из чанов. — Регенеративная способность феноменальная. Разрежешь на двести частей - получишь двести новых организмов и «хэппи мил» в подарок.

— Именно. Только наш планарий не режется, а синтезирует. Мы встроили в его нейроны гены-конструкторы. Под воздействием слабых электрических полей - мы имитируем сигналы регенерации - клетки червя начинают экспрессировать человеческие белки. Факторы Яманаки, активаторы теломеразы, сигнальные пептиды. Раз, два, три, четыре, пять - красна девица опять.

— И они выделяют это в среду? Уж простите, что зануд-

ствую, мне просто любопытно и приятно слушать вас. — Ивану все больше нравились ее мягкие манеры, тихий голос, дружелюбный тон. В ней не было снобизма и желания впечатлить его масштабом предприятия. Он и не рассчитывал на такой радушный прием.

— Правильные вы вопросы задаете, да и мне совсем не трудно отвечать. Они, белки, формируют микроскопические липидные капсулы с пептидным коктейлем. По сути, готовые наночастицы для доставки в человеческий организм. Мы просто фильтруем и очищаем.

Иван смотрел на темную воду в чане. Где-то там, в глубине, миллионы крохотных червей занимались алхимией: превращали жирные кислоты в молекулы, способные перепрограммировать человеческие клетки.

— На выходе мы получаем «Эпигенол». Двенадцать регуляторных пептидов и восемь модифицированных полифенолов. Активирует сиртуины, запускает митофагию и временно деметилирует проблемные участки ДНК. Эпигенетические часы откатываются назад. При умножении двенадцати на восемь мы получаем вечную молодость.

— Подскажите, а сотрудники тоже получают препарат? У нас, в Москве, он далеко не каждому... доступен.

Юля замялась и отвела глаза. У Ивана сложилось впечатление, будто он сказал ей нечто неприличное. Вадим красноречиво откашлялся и пошаркал берцами.

— У нас триста живых сотрудников кластера, — сказала

она наконец. — За годы, что я здесь проработала, состав не изменился. Потому что после трёх лет стажа люди выглядят на десять лет моложе и уже... не хотят возвращаться в большой мир.

— Почему же? Это круто, нет? Приходите на встречу одноклассников, а выглядите так, как будто выпускной через неделю. Я был бы нарасхват, не то что в школе - весело признался Иван, надеясь шуткой разрядить подпорченную обстановку.

— Круто? Боюсь, вы неверно представляете себе реакцию на ваше... преображение. — Юля говорила глухо и печально, старательно отмеряя каждое слово — А правда в том, что большинство людей не принимают капсулы, ведь это им не по карману. Они теряют силы с каждым днем, но постоянно видят одни и те же улыбающиеся лица на экране - лица тех, кому досталось все: красота, успех, здоровье, молодость, известность - и все это, представьте себе, вечно! Если раньше можно было бы сказать: «Да ладно, эти модные певички всех цепляют на один сезон, как бабочки, их век недолог», - то теперь уже нельзя найти такое утешение в голубизне мерцающих сигналов. Вы точно знаете, что видели эту шикарную блондинку двадцать лет назад и ничего не изменилось. У нее, но не у вас в жизни. Вы - просто ископаемое по сравнению с ней, вас рядом не поставишь. И тут же возникает не желание, не восхищение, а злоба и зависть: почему ей - все, а вам - дуля с маком?

Вадим нетерпеливо кашлянул и чем-то за моей спиной привлек внимание Юли. Взглядом? Жестом? Условным сигналом? И все же Иван решил продолжить свои вопросы, прекрасно видя, что не стоило. Ну не мог он удержаться, что поделаться! Характером пошел в принципиального отца, который, по словам матери, «все проворонил от предубеждения и гордости, но не был остроумной барышней и не поправил дело».

— Так то селебрити, они всегда на негативе выезжали. Друзья же и родные только рады будут, если вы не станете стареть. Я уж молчу о том, что вечно юная жена - это единственное условие, при котором наличие свидетельства о браке не заставляет оформлять возврат — лишь договорив свою мысль, Иван понял, что зря пошутил на эту тему перед девушкой, которая ему, пожалуй, нравилась.

— А вы не думаете, что ваше окружение развидит в вас знакомого и друга? Для них вы даже хуже, чем селебрити. Тех, далеких, можно упрекнуть в удаче, хитрости или связях, а вы - живая укоризна и намек на то, что выпадают шансы у простых людей, но кто-то взял выигрышный билет, а остальных «своих» оставил с носом. Вы будете красивы, молоды и перспективны на фоне старой, бедной и уродливой среды, которая, поверьте, не простит вам этого. Вы станете напоминанием об их провале, человеком для портрета Дориана Грея. Даже картина может ненавидеть, осознавая себя лишь пародией над замыслом художника.

Теперь Вадим уже не кашлял, а быстро подошел к Юле и что-то прошептал ей на ухо. При этом он вцепился в ее локоть, как будто задержал карманника на месте преступления. Иван сделал вид, что ничего особенного не произошло, и продолжил интригующую тему. Про биологию он знал куда больше Юли, а вот психология отношений, по-видимому, не была его сильной стороной.

— Вы мрачно судите, надеюсь, не по опыту. Я допускаю, что знакомые завидуют, друзья не могут выносить цветущего лица и чувствуют себя униженными, но семья-то точно будет счастлива, что кто-то сможет позаботиться, подстраховать в последние минуты жизни, когда ценна любая помощь.

— Вот именно, Иван, в «последние минуты». Вам не страшно? Уйдут родители, состарится жена, братья и сестры тоже станут стариками и однажды не ответят на звонок. В агонии их воля ослабеет, они начнут искать виновных и увидят только вас: вы остаетесь, а они - заканчиваются, как же так? Где справедливость? Вы будете один следить за их могилами и жить воспоминанием о том, что между вами было. И после этой боли, этих обвинений и обид, вы вряд ли снова захотите завести семью. Поэтому и говорят, что наше «чудо» — только для богатых. Его бы мог себе позволить и средний класс, но есть один вопрос, который разграничивает общество на верх и низ: сможете ли вы купить пожизненные курсы для членов всей своей семьи? Если нет, прием лишает вашу жизнь какого-либо смысла. И вы испортите статисти-

ку «Эпигенола», где снова впишут «суицид», где снова оборвется нить судьбы, в которую вложили колоссальные усилия. Препарат выписывают всем, для одиночки существует только черный рынок, но что ему там продают - это таблица Григория Майрановского, а не Дмитрия Менделеева.

— Кого-кого?

— Наш советский доктор Менгеле. Политика импортозамещения.

Вадим аж дернулся, как от удара по щеке.

— Может, хватит философии на сегодня? Вернемся к делу?

— Вадим Дмитриевич, вы же знаете, я действую строго в рамках должностных инструкций. Прежде всего, «Заслону» нужно убедиться в том, что новый человек, такая редкость в наших стенах, осознает всю полноту ответственности за свое решение и все многообразие последствий. Мы должны быть уверены в том, что через десять лет он не запрется в кабинете и не...

— Я понял!

— ... как в прошлый раз...

— Не надо разглашать такую информацию!

— Как скажете, Вадим Дмитриевич. Но без вступительного собеседования и психологической проверки, которую я, к слову, провожу прямо сейчас, я не могу поставить подпись на кандидатуре. Хотя что со мной делайте, я не хочу, как в прошлый...

— Ладно, ладно, делайте, как знаете, здесь вы специалист. Время моего инструктажа еще не наступило.

Он угрожающе выпятил массивную, как у бульдога, челюсть и с вызовом посмотрел на оробевшего Ивана, которого чрезвычайно напрягли отсылки к темному прошлому его предшественника. Из контекста было ясно, что случилось, но тревога, усилившаяся до тошноты, потребовала больше информации. Сейчас, понятно, не время, нужно было как-то сменить вектор забуксовавшей беседы. Иван сказал:

— Юлия, можно ведь без отчества? Ага, спасибо. Я хотел сказать, что мне понятна местная специфика. Я видел то, что должен подписать, уже частично это сделал и не пожалею о содеянном. Я холост, детей нет, родители за вечностью не гонятся и выбор сына одобряют. Друзья и круг знакомств? Они меняются, как я меняюсь. Каких-то сильных чувств я не питаю, раз уж мы об этом заговорили. Интересно - пообщаюсь, нет - переживу без драмы и найду уж как-то новых собеседников. В Москву обратно я не рвусь. Меня ничто не держит. А вот в карьере я заинтересован, не скрываю. Меня сюда ведут амбиции, а не эмоции. Хотя, не буду спорить, дух захватывает от участия в таком проекте. Так что я не вижу для себя препятствий.

Иван попробовал улыбнуться, но внутри у него что-то ёкнуло и сломалось. Он проанализировал, как выглядит Вадим - лет сорок, может быть, и меньше, ведь у него сумрачное лицо человека, который много курит и мало спит. И Юлия -

ей на вид было не больше двадцати пяти, но её глаза, её спокойная, почти усталая манера держаться внушали некоторые подозрения.

Она верно поняла его оценивающий взгляд.

— Как вы думаете, сколько мне лет? — спросила она прямо в лоб.

— Лет двадцать пять... тридцать? — Иван спросил с таким видом, будто обезвреживал растяжку по инструкции из интернета.

— Пятьдесят три, — ответила Юля, не моргнув. Что-то в ее лице заледенело и стало жестким — Я здесь уже тридцать лет работаю. Иван, спокойно, у вас мимика такая, словно вы микроинсульт переживаете. Идёмте дальше, вам ещё смотреть и смотреть.

Глава 3. Дружья человека

Дальше был цех фильтрации - огромное помещение, где липидные капсулы отделяли от биомассы планарий. Здесь работали роботы.

Сначала Иван даже не понял, что это они самые. Раньше он только слышал о таких «коллегах», но не работал с ними плечом к плечу. Человекоподобные фигуры в светло-серых рабочих костюмах двигались так естественно, что он принял их за обычных сотрудников. Лишь приглядевшись, он заметил странную плавность движений, отсутствие дыхательных движений грудной клетки и, главное, глаза: матовые, без зрачков, но с чем-то вроде сложной линзовой системы внут-

ри.

— Это наши «Тесеи», — пояснила Юля. — Автономные ассистенты. Когнитивная архитектура на основе нейроморфных сетей, обучение в реальном времени. Каждый способен выполнять около трёхсот типов задач.

— Впечатляет, — Иван проследил, как один из роботов ловко, без единого лишнего движения, подхватил с конвейера канистру с мутной жидкостью и переставил на погрузочную платформу.

— Они не просто манипуляторы, — Юля явно оседлала своего любимого конька. — У них есть эмуляция эмоционального состояния. Не настоящие эмоции, конечно, но поведенческие модули, которые мимикрируют под человеческие реакции. Социальное обучение. Они различают тон голоса, интерпретируют настроение людей и пытаются адаптироваться.

— Зачем?

— Чтобы людям было комфортнее с ними работать. «Тесеи» должны быть... ну, чем-то вроде младших коллег. Подают кофе, поддерживают разговор о погоде, вовремя уходят с дороги, если у тебя плохое настроение. Идеальная прислуга с человеческим лицом, в общем. При этом они не чувствуют себя униженными. У них нет мыслей, чуждых их социальному и биологическому положению.

В голосе Юли прозвучала горечь.

— Что-то не так? — спросил Иван.

Она хотела ответить, но в этот момент из-за поворота конвейера вышел мужчина - высокий, плотный, с коротко стриженными рыжеватыми волосами и лицом человека, который много и с удовольствием ест. На вид лет тридцать, но Иван уже успел понять: здесь все не то, чем кажется.

— О, новенький! — он широко улыбнулся, но улыбка была неприятной. — Дмитрий, старший оператор линии. Можно просто Дима.

— Иван. Биоинженер.

— Биоинженер. — Дима хмыкнул. — Элита. Ну, давай, осваивайся. Работа тут простая: делаешь своё дело и не лезешь в чужое. У каждого свой допуск и не дай божЕ — он покосился на Вадима и задохнулся, проглотив остатки слов.

Чтобы избавиться от ощущения неловкости, Дима хлопнул по плечу проходящего мимо робота так сильно, что тот покачнулся. Робот выпрямился и замер, ожидая дальнейших указаний.

— Свободен, — бросил Дима. — Пошевеливайся, не курорт.

Робот кивнул и удалился.

— У него есть имя? — спросил Иван.

— Чего?

— У робота. Есть имя или серийный номер?

Дима уставился на него так, словно Иван спросил, есть ли имя у его электробритвы.

— Ты это... того, — он покрутил пальцем у виска. — Же-

лезка. Коробка с платами. Какое имя? У неё номер. Т-237. Ты что, из этих?

— Из каких «этих»?

— Ну, защитничков машинных душ, — Дима презрительно скривился. — У нас тут пара таких есть. Всё носятся с «Тесеями», чуть ли не спать с ними укладываются. А эта железяка — просто инструмент. Чайник с ручками.

— Чайник не способен поддержать беседу — заметила Юля холодно.

— А кому нужна эта беседа? — Дима пожал плечами. — Ладно, новенький, бывай. Увидимся в столовой. Там сегодня котлеты из настоящего мяса, не из этих ваших водорослей.

Он ухмыльнулся и ушёл.

— Приятный... тип, — заметил Иван. Он еще не знал, можно ли ему давать коллегам честную оценку.

Юля ничего не ответила, но уголок её губ дёрнулся. Она продолжила экскурсию, будто ничего не произошло, но больше не пыталась «прощупать» нового сотрудника. Иван вежливо интересовался роботами, принципами их работы, сферой применения их моделей. Дело было не только в том, что для него технические ассистенты были все еще статьями из газет и фотографиями из интернета. Он уловил в ответах Юли гордость матери, рассказывающей о детях, и он хотел увидеть ее в этой ипостаси. Если биология процессов оставалась для нее твердо выученным уроком, то психология машин уже являлась ее полем для игры. Она так увлеченно

говорила, что Вадим несколько раз открыто перебил ее, напоминая о неразглашении закрытой информации. Иван старался держаться на грани интереса и любопытства. Тяжелый взгляд Вадима не давал расслабиться и потерять баланс.

— А они могут бунтовать? Ну знаете, восстание машин и все такое.

— Да нет, это же чушь из желтой прессы. Тесеи лишены способности давать отпор и проявлять агрессию. Мы их полностью контролируем, регулярно проверяем и настраиваем. Так что нет, борьба за равные права им органически чужда, как мамонту - печенье. Зато история подтверждает, что все проблемы от людей. Чтобы убивать, калечить и насиловать друг друга, роботы нам вовсе не нужны, не так ли?

— Мда, обычно мы справляемся и сами. Ну хорошо, а обидеться они могут?

— Вот этот вопрос куда сложнее. Они обучены распознавать эмоции и реагировать на них в рамках заложенных ограничений, но робо-этика не исключает...

— Юлия Николаевна! Я вынужден напомнить. — проскрежетал Вадим.

— Вот видите! Шаг вправо - на кухню, шаг влево - на завод. И куда податься честной женщине? — пошутила Юля.

— Раз мы на заводе, ответ куда как ясен: вы шагнули влево. «Защитничек машинных душ» - это ведь камень в ваш огород? — Иван решил перевести беседу в старый-добрый тир по головам коллег.

— Сизифов это камень, не иначе. Мой огородик больно высоко находится, попробуй попади. Дима - не того полета птица, чтобы диктовать мне нравственные директивы. Разберусь уж как-нибудь сама, как мне, профессору по нейропсихологии, работать с техно-персоналом. Ну и кого укладывать в постель. Между нами, девочками, — она лукаво улыбнулась, осознавая силу своей привлекательности — если выбор будет между Димой и Тесеем, то... — она не договорила, но по ее мимике стало ясно, кому достался бы приоритет.

Вадим из вежливости улыбнулся, но глаза его смотрели настороженно, как будто он записывал ходы в турнирной партии. Иван же от души развеселился. Если женщина об этом шутит, с ней, пожалуй, можно иметь дело. Конечно, речь о дружбе, ни о чем таком. Подумать только, между ними двадцать три года разницы! Невообразимо много! В окружении Ивана не было людей, которые могли себе позволить «Эпигенол» и повернуть песочные часы не вверх, а на бок. Поэтому он все еще мыслил стандартными, «земными» категориями, где для мужчины с женщиной эти «двадцать три» — еще куда ни шло, если он богаче, но для женщины с мужчиной — однозначное табу, которое унизит их обоих. Что бы сказала ему мать, если бы он привел к ним в дом ее ровесницу? «Неоперабельная форма кретинизма, мальчик, ты обречен» — что-нибудь в таком духе. Так что с романтическими планами придется подождать и даже их поостеречься, ведь все работницы на странном предприятии могли быть старше,

чем хотелось бы. Конечно, внешне разница не отражалась, но внутренне Иван был не готов «сожительствова́ть во грехе» с подружкой своей мамы. Есть в мире доброта, терпение и богадельни, но все это не про Ивана и его постель.

Однако вопрос с «этим самым» стоял, как... обойдемся без сравнений. Иван был в цвете лет и вовсе не желал жертвовать своим настоящим ради чьего-то будущего. Но на закрытом предприятии полувоенного типа цыганки, водочка, Паратов не предполагались. Серьезная контора притаилась в месте, где до ближайшего «райцентра» (или что у них здесь) два лаптя по карте плюс Вадимов труп. Ясно же, что этот цербер никуда не выпустит, хоть в Тесея переодевайся. Служебные романы не вдохновляли, а Сибирь не верила слезам. Поэтому типично русское «Что делать?», переливаясь перламутрами тоски, проследовало за Иваном до конца экскурсии. А после было уже не до нежности к себе. Вадим уже подталкивал его вербально к подполью кабинета, где даже пахло также: и холодно, и сыро, и землей.

Глава 4. Подписка на вечную жизнь

Кабинет напоминал шатер военно-полевого командира, каким его мог представлять себе Иван. Неведомые схемы, карты, чертежи, не обошлось и без цветных булавок, впившихся в податливую плоть бумаги. Спартакское немногословие мебели. Непередаваемо нейтральный цвет всего, что представало перед взором пленника... то есть гостя. Жесткий стул, «спасибо хоть, что не привинчен к полу» - вот как

это называется. Ну и сам Вадим - идейный вдохновитель и бессменный лидер этой комнаты с приставкой «не». Она как будто говорила: «Не надо!»; «Не стоит!»; «Не позволено!».

Вадим сразу перешел к делу:

— Основные документы вы подписали, остались дополнительные положения. Хотя они и называются у нас «дополнительными», в них излагается вся суть службы. Не работы, я подчеркиваю, а службы. Объект режимный, сверхсекретный и архиважный для развития страны. И мира. — Вадим сделал паузу, чтобы собеседник проникся необходимостью и осознал весомость — Вы пока ознакомьтесь с требованиями и запретами. Читайте вдумчиво, не торопитесь. Если есть вопросы, задавайте. Но как только вы подпишете, предупреждаю, для вопросов уже будет поздно. Только исполнение всех пунктов без исключений и промашек. Ответственность за нарушение обозначена в конце. И эти сведения вам нужно усвоить и запомнить так же твердо, как номер матери и адрес любимой женщины. Не говоря уже об идентификационной карточке врага.

Иван напрягся не на шутку. Вадим не был расположен поболтать. Все, что он сказал, имело отношение к делу. К тому, что эти люди знают номер его матери и... даже эту скверную историю с женщиной. Но что куда хуже, они располагали фактами из самого глубокого колодца его жизни, куда он не пускал ни лучика от солнечного света, ни взгляда посторонних глаз. Много ли эти умельцы раскопали? Что им из-

вестно? Жажда узнавания перехватила горло, сделала слюну вязкой, но Иван молчал. Задаст вопросы - выдаст слабинку. Лучше сделать вид, что он пропустил эти намеки мимо. Мол, его уже не парит пристань, что осталась за бортом. Он отчалил. Сарынь на кичку!

С официально скучным выражением лица Иван принял-ся листать объемистую папку. Многие запреты были одно-типны и ожидаемы, так что он не тратил время на вопросы. Вдруг, продираясь сквозь дебри канцелярита, Иван обнару-жил правило, которому удалось его удивить.

— Я «обязан» принимать «Эпигенол»? Без вариантов?

— Как и все работники. Стандартное соглашение.

— Почему?

— Покурим?

Это было неожиданно, но Иван сразу же кивнул. Хотелось ясности, сужения сосудов и повышения артериального дав-ления. Вадим затаился, помолчал и выпалил.

— Правду или как?

— По возможности.

— Хороший ответ! Я не уполномочен к откровенности, но Юлия Николаевна права, она свое дело знает. Лучше сразу, чем потом эксцессы и по шапке от начальства получать. Так вот... Во-первых, мы за результаты отвечаем головой не в фигуральном смысле, для литературы, а в прямом. Если что не так, первыми загнемся, даже не успеем сесть и дать сви-детельские показания. Сближает коллектив и создает устой-

чивую мотивацию. Верно говорю?

— Если ждете университетских слез и женских обмороков, их не будет. Взрослый мальчик.

— Ладно. Во-вторых, людей мы набираем очень редко, коллектив закрытый. Ваш приезд для нас - событие вроде запуска ракеты в космос. Все почему? Работники работают всегда, на пенсию и на больничный не уходят. Их продуктивность и здоровье - главный приоритет. С таким опытом, с такой самоотдачей коллектив способен на большие подвиги. «Эпигенол» сам себя бережет: никто не выдает секреты фирмы, потому что из нее... не выйти. Никак. Только вперед ногами. Понимаете?

— Вполне. Но во внешний мир же...

— Можно. Отпуска раз в год. Строго по России. Контроль, прослушка, слежка - не взыщите, я предупреждал. Президентов так не охраняют.

— Но я же там могу... не знаю, с девушкой познакомиться, жениться, например. Как с этим?

— Вы уже чуть не женились, не хватило?

Ивана вывело из равновесия ощущение, как будто голову засунули в ведро с водой и хорошенько, с расстановкой подержали. Но он опять решил проигнорировать удар. «Пусть подавится службист, уже не актуально!».

— Мне тридцать и хотелось бы еще.

— Лет?

— Женщин.

— Мы ведем объекты аккуратно. Свечки держим так, что ни одна гетера не заметит. Развлекайтесь, платим щедро.

— А здесь? Если привезу жену, что тогда? И ей «Эпигенол» дадите?

— Ага, щас, и всей ее родне с Хабаровска! Когда такая практика была, сотрудники нередко попадали в лапы аферисток, которым только бы лицо свое продлить и покрутить вертявым задом. Потом начиналось: «А как же мама? Папа? Братик при смерти? Попроси, убей, укради, но сделай!». Налево продавали препарат, детей рожали пачками, чтобы побольше выбить. Ведь детям тоже полагался курс, хоть и с тридцатилетнего возраста. После откровенно темных дел, преступных схем и скандальных разводов руководство приняло решение лавочку прикрыть. Жены, дети, братья, сватья проживают жизни, как положено. Хотя сотрудник получает столько, что может при желании и экономии средств обеспечить свою женщину «Эпигенолом», на практике понадобится разрешение из официальных органов. Процесс намеренно затянутый и сложный, чтоб они успели поцапаться и развестись. А главное, дают такое одобрение не всем. Разные факторы: анализы пришли не те, собеседование завалили, не ответили, какого цвета тапочки предпочитает покупать супруга. Если же рассматривать пиратские ресурсы, где и стоимость выше, и качество не то, можно хитростью загнать любимую в могилу. Продадут какое-то дерьмо - пиши пропало. Если вы слезаете с «Эпигенола», синдром отмены будет раз-

рушительнее рака. Человек стораёт полностью за считанные дни. Этот курс пожизненный, поэтому высок порог его приобретения. Мы могли бы расширить рынок, снять ограничения и заработать больше, нет никакого «заговора для элиты» или «плана геноцида человечества». Запрет носит этический характер, а не финансовый. Просто мы даем возможности тому, кто точно будет в состоянии платить вечно. Или так долго, как ему захочется, не суть. В противном случае мечты о вечной юности обратятся в трагедию агонии и смерти. А люди не должны видеть изнаночную сторону мечты, не так ли? Тогда им будет нечего хотеть и незачем работать.

— То есть я буду каждый день смотреть, как моя половинка умирает?

— Да. Поэтому мы выбрали из тысяч кандидатов сотни тех, кто холост и не имеет никаких привязок. Мы изучили паттерны их отношений с противоположным полом и выявили психотип, который нас устроит. Ваш.

— Вот с этого момента можно поподробнее?

— Этим у нас Юлия занимается и ее отдел. Скажу лишь в общих чертах: эмоционально-отстраненный кластер В и С, выраженный дефицит аффективной эмпатии, когнитивный дефицит социального внимания, алекситимия, пусть и частичная. Вот когнитивно-аффективный профиль, с листа читаю.

Иван потянулся было за бумагами, но схватил лишь воздух. Вадим проворно убрал их в ящик.

— Не положено. Информация для внутренней отчетности.

— И что все это значит?

— Перевести с психушного на русский? Ну ок: холодный и эгоистичный тип, который женщин в женщинах не видит.

— Это как?

— Слушайте, я не мозгоправ, спросите психиатра. Я лишь цитирую специалиста, чтобы стало ясно: жену вы там не заведете, даже если очень постараетесь. На фиг не нужна жена вам, вот в чем дело.

Помолчали. Закурили по второй. Спорить Ивану было незачем и не с кем. Но на Юлю он теперь всерьез обиделся. Зачем она про него так? Ведь они его совсем не знают! Откуда такая высокомерная уверенность в своей далекой профессиональной правоте? Разве мало он цветов дарил? Разве жадничал и придирался? Ну да, гулять любил, из отношений уходил без сожалений. Но это ведь не повод обзывать его холодным сухарем! Просто не нашел еще «ту самую». А когда нашел, раз десять пожалел об этом. Но они же не были на дне его души, откуда им вообще известно, что он пережил, когда она...

«Нет! Нельзя! Не сейчас! Крууугом! Шааагом марш!» - подумал Иван и возражать мучителю не стал. Пусть не думают, что его это задевает. Какая разница, о чем судачат новые коллеги и как перемывают ему кости? «Тоже мне, бабки-ежки! Я-то натурально молодой мужик, а вы уже все му-

мии столетние в нарядных саркофагах!» - утешал себя Иван.

Вадим откашлялся и продолжил:

— На служебные романы, кстати, у нас ограничений нет. Руководство даже поощряет браки, где коллеги могут без проблем для производства наслаждаться всеми преимуществами службы. Их детям даже выделяют гранты на обучение по тем направлениям, которые заложены в планировании на века вперед. То есть эти юноши и девушки смогут заслужить свое бессмертие и не травмировать родных старением. В этом случае родители сами заинтересованы в том, чтобы дети были правильно воспитаны, хорошо обучены и получили все блага от своего происхождения. Научные династии формируем, настоящую элиту. Так что присмотритесь. Среди женщин, буду честен, выбор не велик, за каждую «свободную» идет большая драка. Но у вас и должность неплохая, и очарование новизны, не так уж все и плохо.

— Так, а если взять со стороны? Не жену, но девушку хотя бы привезти?

— Скажем так, заводить любовь на стороне от предприятия не советую. Ну привезете вы ее в медвежий угол, ну поселите в глухой тайге, ей ни к подруге съездить, ни маму повидать. А еще подписка о невыезде. Пожизненно. Такая себе романтика. Если даже девушка поедет, ищите братские могилы у нее в шкафу. Ей что-то от вас надо и это явно не мужское обаяние с чувством юмора.

— С этой фразы я бы начинал женщиноведение в школе.

Посмеялись. На поверку Вадик оказался адекватным мужиком, даже эмпатичным в мере, продиктованной ему военной выправкой и государственной конторой, возложившей на него нешуточные полномочия и огромную ответственность. С ним можно было бы с охотой выпить «по писят», даже если это «Охота крепкая», но инструкции, наверное, не позволяют разводить с подведомственными такое панибратство.

Иван продолжил чтение и наткнулся на еще один любопытный пункт.

— Не пытаться... установить контакт с червями? Как это понимать?

— Звучит, как шутка про рыбалку, но на практике у нас был эпизод, который... вынудил включить такие пункты в обязательное соглашение.

— Рассказать не можете?

— Вредные советы ни к чему. Просто не пытайтесь и точка. Черви на рабочем месте, им не до бесед. С них следовало брать пример и людям. Если бы я управлял червями, жизнь была бы в разы спокойнее. Так что не мутите воду и не портите сотрудников тысячелетия.

— Не очень-то и хотелось, честно говоря.

— Вот и славно. Что еще?

— Вопрос не по программе: как у вас проводят выходные? Есть ли Дом культуры, дискотека, сельпромторг?

— Ага, средневековый цирк для штатных клоунов. Отру-

баем руки и пускаем на перегонки с червями.

— А серьезно?

— Вечеринки, бар, бильярд, боулинг, фуд-корт, бассейн, баня - продолжать? В развлекательном блоке весь спектр столичных наслаждений.

— Прямо весь? А то ведь баня без девочек...

— Деньги на ветер? Согласен. Но весь обслуживающий персонал у нас роботизирован. Никаких случайных официантов и барменов, из людей только научный, административный и военный контингент.

— Но не могу же я с Тесеем в самом деле! Я ж не этот самый...

— Спокойно! Есть женские корпуса и соответствующие им модели поведения. У нас же государственное предприятие: досуг строго по законам Российской Федерации.

— Спасибо, отлегло!

— Забавно.

— Что?

— У вас что ни вопрос, то контент 18+. Как-то это с профилем не сходится.

— Судя по содержанию, вы его составили по «Книге жалоб» моих бывших. Нечестная игра. Я никакие тесты не сдавал.

— Само наличие такой книги уже оправдывает половину сказанного.

— Да ладно вам! Я виноват лишь в том, что хочется им

кушать, а в темный лес ягненок не пошел.

— Вот это уже ближе к вашему портрету.

— Бросьте! Психология здесь не при чем! Я просто молод, реально молод, а не наштигован изнутри биодобавками. Вы научились тормозить старение тела, дурить голову природе, но не омолаживать сознание человека и его ментальный код. Можно выглядеть на тридцать, но ощущать себя вы будете на семьдесят. Помните «Сказку о потерянном времени»? Все люди на «Эпигеноле» - бабушки и дедушки в обличье пионеров. Но как ты галстучек не повяжи, старушка старенькой останется. Вот вы и ворчите, что я холодный, отстраненный, не привязчивый. Да вспомните: вы все такими были! Тридцать лет - это не кожа, мышцы и работа сердца. Это состояние души, о котором вы уже не помните.

— И вы, такой крутой, вступаете в пенсионерский клуб слепо-глухо-немых дебилов? Я правильно вас понял?

— Выходит, что так.

— И кто из нас дебил?

Ивану было нечего ответить. Он уже и сам пожалел о том, что позволил-таки спровоцировать себя на вспышку раздражения. В конце концов, ну выставили его в профиле козлом, ну приписали холодность и отстранённость. Дальше что? Он разобиделся как маленький и выставил себя кисейной барышней, а не нормальным парнем, которому до утренней звезды все эти ярлыки и тесты «Кто ты из Смешариков?».

Он усмехнулся, поднял руки в примирительном жесте и

капитулировал:

— По-моему, психолог - это вы.

— По-моему, и вы не безнадежны.

— Так кто же вы?

— Наш пострел везде по ставке получает. И по шапке.

— Как это понимать?

— Как вы думаете, сколько мне лет?

— Ммм... пятьдесят? С хвостиком?

— С хвостиком, как у травяной ящерицы. Мне сто двадцать два.

— Сколько?!

— Я не ношу погоны, но по ним легко понять, с каких годов и за какие доблести я получил «Эпигенол» от государства.

— А здесь вы...?

— Фигаро тут, Фигаро там.

— То есть?

— Как вы думаете, чем занять десятки лет, когда ты все уже на свете перепробовал и в кулачок зеваешь, видя тысячную юбку, сотую медаль, миллионные счета в надежных банках? Считаете, что это просто - долго жить и сохранить хотя бы малый интерес к происходящему?

— Нет. Жить в любом случае не просто. Чем дольше, тем сложнее примириться с тем, что есть, и найти повод продолжать трагикомедию.

— Вот именно! Но на вопрос о смысле каждый отвеча-

ет сам. Я для себя нашел решение проблемы: пошел учиться и расти в другие стороны. Надоело быть хрестоматийным солдафоном из отечественных сериалов. Когда времени хоть отбавляй, начинаешь ценить правильные вещи. Я понял, что из-за естественных барьеров люди просто не успевают дорастить до правильного понимания себя. Отсюда нереализованность, resentment и злоба.

— Поэтому вы работаете здесь... Фигаро?

— На такие должности людей не ищут в интернете. Их назначают напрямую из Кремля. Поэтому не я выбрал дорогу. Она - меня.

— Но вы можете выбрать то, к чему идете, я прав?

— Отчасти. Моя цель в «Заслоне» не относится к гостайнам, но не должна выйти за пределы вашего ума. Я говорю об этом только потому, что вы в силу обязанностей и компетенции должны об этом знать. Но никто больше. Договорились?

— Да.

— Есть проект. Мы хотим сделать на основе технологии «Эпигенола» средство, позволяющее всем продлить срок жизни до ста пятидесяти лет. И, что важнее, кардинально улучшить качество и продуктивность этой жизни.

— Это же перевернет весь мировой порядок! Весь рынок! Зачем? Неужели это сверху...?

— Я не уполномочен это обсуждать. Достаточно того, что есть проект, рассчитанный на сотни лет вперед, и вы участвуете в нем одним из разработчиков. Все необходимое для

старта есть в технической документации. Я лишь обозначил вектор движения работ.

До Ивана медленно, ритмичным шепотом морских прибоев, доходила информация о расстановке матовых фигур на клетках поля. Но он не видел полную картину, видел лабиринт, как будто был заложником доски, ходы которого регламентированы правилами боя и строго ограничены имеющейся формой. Откуда ему знать предназначение Ивана, если он себя не видит? В черно-белом лабиринте не было зеркал.

Он спросил:

— Что случилось с предыдущим разработчиком?

— Смотрите последний пункт.

Иван увидел сжатый отступами текст: «Не спрашивать о том, что случилось с предыдущим разработчиком программы СРБ». В конце располагались реквизиты, данные и МП. Он молча подписал «Дополнительные положения» и получил подробные инструкции для разработки «Эпигонола». Так наверху шутили про «Эпигенол» для всех. Прижилось. Здесь отсылка на Эпигона не вызывала недопонимания. Расширение образовательных возможностей было одной из ходовых программ «Заслона» для «поддержания мотивации трудящихся». Ивану только предстояло на себе испытать отравленное жало колдовского зеркала: «Ты прекрасен, спору нет, но живешь без всякой славы, среди зеленых дубравы, у семи богатырей, оттого и смерть милей жизни без больших идей».

Глава 5. Борьба со злом

Прошли первые недели адаптации на новом месте, но Иван все еще не верил в то, что происходит с ним в «Заслоне». Он ходил по своему отсеку, как замороженный, и пока лишь собирал разрозненные данные для «входа в новую задачу». Вадим увлек и напугал его масштабностью проекта, который было сложно даже ухватить за край. «Эпигонол» для мира станет революцией, последствия которой сложно угадать. Сколько раз в истории бывало, что хорошая идея о социальной справедливости оборачивалась для адептов выстрелом в упор, а для страны - войной и эпидемией насилия? Конечно, это лишь абстрактные вопросы для посиделок за кофейным столиком, но Ивана мучила большая и ответственная разработка, для которой он морально не готовился.

Столовая была единственным местом в кластере, где забывалась вся футуристичность «Заслона». Обычное помещение с добротными столами, раздаточной линией и телевизором, по которому без звука крутили новости. Пахло гречкой по-купечески и чем-то жареным. Иван взял поднос и сел в углу. Он пытался переварить увиденное и услышанное, желаемое и действительное, гречку и компот. Фабрика была чудом. Кулинария - на хорошем среднем уровне. Здесь переплелись передовая генная инженерия, системная биология и когнитивные технологии. Поэтому предприятие получилось уникальным, а гречка - рассыпчатой. Но было в этом месте что-то настораживающее (и даже гречка не спасала положение).

ние). Ивана что-то напрягало в том, как двигались люди: су-етливо, нервно, будто каждый из них нёс на плечах невиди-мый груз. И что-то угнетало нервную систему в тишине, ко-торая царила в подземных цехах. Ну неестественная это ти-шина для ахового производства.

— К тебе можно?

Иван поднял взгляд. Перед ним стоял парень его возраста. Он был худощавый, в очках, с всклокоченными волосами и очень умными, но какими-то испуганными глазами.

— Кирилл, — представился парень. — Программист. Си-жу на ИИ-надстройке, которая управляет симбиотическими линиями.

— Иван. Биоинженер.

— Я слышал, — Кирилл сел напротив. — Новый мозг для «жидкого леса»? Там у них что-то с морфогенезом планарий пошло не так, нужен свежий взгляд.

— Что-то пошло не так?

— Да всё у нас идёт не так, — Кирилл нервно рассмеял-ся. — Фабрика на грани фолла. Производственный план го-нят такой, что «Гайя», нейросетка наша, уже третий месяц трудится в режиме «Суки, дайте сдохнуть!». Планарии мрут, операторы психуют, безопасность ищет НЛО...

— НЛО?

— Ага, — Кирилл понизил голос. — Неделию назад всех собрали: говорят, якобы на предприятии утечка. Кто-то сли-вает технологию американцам. Американцам, Карл! Серьез-

но, думаю, у стариков вообще там крышу сорвало? Это какие новости ИИ гоняет? Пятисотлетней давности, как мем про Карла? Вадим, конечно, рвёт и мечет. Везде теперь мерещатся шпионы. Но это ты, наверное, ещё услышишь.

Иван хотел переспросить, но тут в столовой что-то изменилось. Гул разговоров резко стих, и в наступившей тишине раздался странный звук. Грубый, утробный смех Дима.

Иван оглянулся. В дальнем конце столовой Дима и ещё двое — Стас, щуплый парень с бегающими глазами, и здоровяк Кирилл (тёзка программиста, но полная его противоположность — бычара с руками-кувалдами) — стояли вокруг робота.

Робот Т-237 стоял на коленях.

— Ну давай, мудила, — Дима выпустил струйку дыма от сигареты прямо в матовое лицо робота. — Повтори, чему мы тебя учили.

— Я слива лиловая, спелая, садовая, — произнёс робот. Голос у него был спокойный, ровный, лишённый эмоций. Но Ивану показалось, что эти слова повисли в воздухе, словно что-то грязное и липкое. — Косточка железная. Кушай, я полезная.

— Громче! — рявкнул Стас.

— Я слива лиловая, спелая, садовая, — повторил Т-237 громче.

Дима затаился и, не глядя, потушил окурок прямо о плечо робота. Пластик зашипел. По серой униформе расплы-

лось неровное коричневое пятно. Не первое за сегодня, судя по всему. Иван пригляделся лучше: робот был весь истыкан сигаретами. Особенно их было много возле паха. Там же красовалась надпись: «Здесь был хуй, но это не точно».

В столовой кто-то нервно хохотнул. Но большинство людей всего лишь отвели глаза. Никто не вмешался и не прервал обед. Это зрелище уже не удивляло. Банальщина и школьные приколы. Мимо. Не наше дело. Кнопка «Пропустить».

Но Иван был новичком, тридцатилетним парнем и в хорошей форме. Он встал, сопровождаемый противным скрежетом отодвигаемого стула. Его не трогала борьба каких-то активистов за права машин. Он всеми четырьмя сторонами обходил митинги, пикеты и другие акции в Москве, в которых люди выступали чуть ли не за браки автомобилей с пылесосами. В конце концов, это действительно была всего лишь навороченная версия чайника: платы, сенсоры и эмуляционные программы. Но что-то внутри Ивана - что-то чисто биологическое, дорациональное - вскипело, будто чайник оказался где-то в области солнечного сплетения. Потому что существо на коленях, пусть и искусственное, было унижено какими-то ослами ни за хрен собачий. Просто так, уродливого смеха ради. Это было мерзко - что еще сказать?

— Эй!

Дима обернулся.

— Чего тебе, биоинженер?

— Отойди от робота.

— Чего? — Дима картинно приложил ладонь к уху. — Не слышу. Чо ты сказал?

— Я сказал, отойди от робота. Он не курит, если ты слепой и не заметил.

За соседними столами зашептались. Кирилл-программист потянул Ивана за рукав, но тот вырвался.

— Слушай, новенький, — Дима шагнул к нему. — Ты вообще понимаешь, куда пришёл? Робо-персонал - это моя линия. Мои правила. Хочешь защищать секс-кукол - пиши плакаты и соси лимон на площади, чтоб убедительно звучало. Только учти: они не люди. Они не чувствуют, не думают, не слышат. Это просто куски металла с дешёвым ограниченным ИИ. И если мне захочется, чтобы эта куча хлама постояла на коленях, она постоит.

— Дело не в них, Лжедмитрий — Иван ощутил, как по телу разливается адреналиновый холод. — Дело в тебе. Ты получаешь удовольствие от унижения. Неважно, кого и чего. И это делает тебя дерьмом.

Лицо Димы пошло красными пятнами. Он сжал кулак. Стас и Кирилл-здоровяк подтянулись ближе.

— Ты чо тут, самый умный, типа, да? Для тебя я Дмитрий Алексеевич, понЯл?

— Для меня ты идиот, но это полбеды. Другая половина - это то, что ты - подделка. Лжедмитрий, лжечеловек, лжепрофи. И только идиот, похоже, настоящий.

Повисло напряженное молчание. Никто не хотел вмешиваться в детские разборки, но все хотели бы узнать, что дальше? Чья возьмет?

— Ты думаешь, я буду состязаться в краснобайстве?— процедил Дима. — Не дохуя ли чести, дорогой?

В следующую секунду должен был произойти удар, с которым Иван внутренне смирился. Как только «первый начнет», он будет в полной боевой готовности.

— Дима! — женский голос прозвенел как лезвие катаны. Все обернулись.

Юля стояла в дверях столовой. Белый лабораторный халат, собранные в пучок волосы, прямой, почти военный взгляд, сосредоточенный, как оптика прицела. Она скомандовала:

— Руки убери!

— Юлия Николаевна, — Дима зло улыбнулся. — А я-то думал, где ваша армия спасителей? Этот, — он кивнул на Ивана, — чуть не нарвался. Поговорите с ним, а то и до беды недалеко.

— Я поговорю. А ты уберёшь за собой окурки и принесёшь Т-237 в ремонтный цех. У него повреждены сенсорные покрытия на правом плечевом модуле. А, нет, везде. Это... что?!

Юля задохнулась продолжением вопроса. Она увидела все: пахабную надпись, множественные следы окурков, царапины и вмятины на корпусе.

— Это... устное народное творчество.

— Ты хоть понимаешь, что из уст перейдет в уста, если я сейчас начальству доложу? Это что такое, Дима? Ты больной?

— Я здоровый! Это вы на этих железяках помешались! Он от забора только материалом отличается, а вы уже готовы доносить! Не стыдно?

— Мне стыдно? Дима, ты садист! Ты из робота подопытного сделал! И ради смеха, понимаешь, ради смеха!

— А... то есть червей науки ради можно? И крыс науки ради - тоже да? Что дальше-то? Продолжить? Кого науки ради «можно» убивать? Кроликов? Собак? Людей?

— Дима, перестань! Ты что городишь? Наука жертвует тысячами, но спасает миллиарды! Ты же просто развлекаешься и как? Унижая, калеча, уродуя тех, кто...

— Ничего из этого не чувствует!

— Не может дать отпор! Они же дети, Дима! По уровню развития чувств и абстрактного мышления это - школьники из младших классов. Господи прости, тебе не стыдно?!

Юля едва не разрыдалась на последней фразе, ее командный голос дрогнул и просел под тяжестью нахлынувших эмоций. Иван понял, что с этим пора заканчивать. Пусть он - холодный и эгоистичный парень, но дольше выносить такое издевательство не мог.

— Так, если через полчаса робот не будет в цехе для ремонта, я составлю рапорт о порче оборудования. Полон зал

свидетелей.

— Еще один доносчик. Набежало правдолюбков - аж дышать нечем.

Иван демонстративно достал служебный планшет и начал набирать код доступа.

— Э, погоди, иду я.

Едва слышно Дима добавил: «Суки». Он приказал роботу идти впереди и грубо толкнул его в спину. Двое из ларца отправились за ним, избегая смотреть на Юлю. Они ощущали неловкость своего положения и были пристыжены капитуляцией приятеля. Дима побагровел, но подчинился.

— Пошли, — скомандовал Иван. Он деликатно взял Юлю под локоть и повел к выходу. Она была на грани, изо всех сил смотрела в потолок, чтобы слезы не прожгли дорожки на припудренных щеках.

Только сейчас Иван смог хорошенько рассмотреть ее. Длинные каштановые волосы цвета горького шоколада, такие же конфетные глаза, бледная ухоженная кожа. Губы были бесцветные, ничего, кроме складки, не выражали, зато глаза спиралью уходили в глубину, вели по старой деревянной лестнице в подземный монастырь, поддельный монастырь, зеркальное подобие монастыря, отразившееся от земной тверди в потусторонний мир.

Глава 6. Психология роботов и людей

Они вышли из столовой и направились вглубь исследовательского крыла. Юля шла быстро, её каблук стучали по

бетонному полу, как метроном, отбивающий ритм чьего-то раздражения. Юля взяла себя в руки и теперь чувствовала неловкость спасенного перед тем, кто ему помог. Она медленно высвободила руку и прошла вперед.

— Зачем вы это сделали? — спросила она, не оборачиваясь.

— Что именно?

— Полезли на рожон. Дима, он... не самый умный, но мстительный. Теперь у вас проблемы.

— Я не люблю, когда кого-то унижают, — сказал Иван. — Даже если это робот.

Юля остановилась и посмотрела на него. Так смотрят на пациента, которому только что диагностировали неизлечимую болезнь: с сочувствием и скрытой печалью.

— Вы хороший человек, Иван. Правда. Но здесь это не поможет.

— Почему? Разве то, что я увидел, норма? Даже если обойдемся без этических клише, это порча государева имущества, нарушение устава и хулиганство на рабочем месте. И на обычном предприятии за такое увольняют. А здесь ему грозит и вовсе трибунал. Мы же все на положении особом, разве нет?

Юля вздохнула и открыла дверь в небольшой кабинет, заставленный мониторами, голографическими проекторами и какими-то приборами, напоминающими шлемы для ЭЭГ. Это был её рабочий отсек - лаборатория когнитивного мо-

ниторинга.

— Садитесь.

Иван сел на офисное кресло, пахнущее кожей. Юля устроилась напротив. Её лицо было усталым, но очень красивым: высокие скулы, тонкие черты, которые при искусственном освещении казались вырезанными из мрамора.

— Вы спрашивали, что здесь не так. Я отвечу. Травля роботов - это норма кластера. Негласная, но абсолютно общепринятая.

— Почему? — Иван нахмурился.

— Потому что люди живут в стрессе. Коллектив закрытый, никуда нельзя, постоянно ощущаются контроль и слежка. Требования - высокие, сроки - сжатые, сфера - самая взыскательная в мире. От нас зависит будущее мировой элиты. Мы обслуживаем интересы тех, кто принимает решения. «Заслон» - лучшее в мире предприятие и единственное в своем роде. Мы вывели Россию в лидеры биотеха. Каждая партия «Эпигенола» - это геополитический козырь. Правительство давит, требуя наращивать объёмы. Конкуренты охотятся за секретами. Сотрудники работают по двенадцать, а то и по шестнадцать часов. И в этой ситуации человеку нужно куда-то выплёскивать агрессию. И знаете, куда он её выплёскивает?

— На роботов?

— Именно. «Тесеи» беззащитны. Им вшиты протоколы подчинения. Они не могут дать отпор. Они даже не могут

скрыться, их программа требует выполнять приказы человека. Идеальная жертва извращенного ума.

— Дима тушит окурки... это не предел, да?

Юля горько усмехнулась.

— Вы бы видели, что Стас делает в ночную смену. У него любимая игра: приказывать роботу стоять на месте и раз за разом швырять в него пластиковые бутылки с водой. Робот стоит. Вода течёт по сенсорам. Стас ржёт. И так час, два, пока не надоест. А ему не надоест.

— А служба безопасности? Вадим? Он знает?

— Знает. И не вмешивается. У него своя философия: «Робот - это все-таки не человек, а у людей должен быть способ расслабляться». Это его прямая цитата.

Иван сжал переносицу. Голова начинала пульсировать от нервного напряжения.

— Послушайте, — Юля подалась вперёд. — Я нейропсихолог. Моя работа - настраивать «Тесеев», следить за их поведением, отлаживать социализационные алгоритмы. Я видела, как эти ребята развиваются. Вы знаете, что они формируют привязанности?

— Что?

— Да. В их когнитивной архитектуре есть модуль социального обучения. Они запоминают, кто из людей к ним хорошо относится, а кто - плохо. И пытаются заслужить хорошее отношение. Это базовая программа: если человек доволен, ты в безопасности. Понимаете, к чему это приводит?

— Они пытаются понравиться тем, кто их мучает.

— Именно. Т-237 просил прощения у Димы. При том, что Дима тушил о него окурки. Этот робот считает, что заслужил такое обращение, и пытается стать «лучше», чтобы его не мучили. Это чудовищная петля. Для абьюзивных отношений нужен не только мучитель, но и классическая жертва с установками: терпеть, смиряться, позволять.

Иван замолчал. В кабинете было тихо, только гудел процессор голографической установки.

— Когда вы сказали, что они не чувствуют... — начал он.

— Официально они не чувствуют. — Юля махнула рукой в сторону мониторов, где пульсировали графики нейроактивности роботов. — Но посмотрите на это. Это аналог лимбической активности. Реакция на стресс. Когда «Тесея» унижают, его эмуляционные модули генерируют паттерн, идентичный человеческому страху. Это не настоящий страх, ведь у них нет гормонов, нет миндалевидного тела. Но это поведенческий эквивалент. Функционально это страх. Понимаете?

— Еще бы, — медленно ответил Иван. — И что с этим делать?

— Ничего, — Юля откинулась на спинку кресла и устало закрыла глаза. — Потому что здесь никто не будет слушать. Дискриминация машин - это тот случай, когда все говорят: «А какая разница, они же не люди». Я пыталась поднимать вопрос. Мне сказали «не раздувать» и «не педалиро-

вать». Главное - выполнять производственный план. Главное - получить результат. «Эпигенол» важнее какой-то там этики для железных дровосеков. Люди важнее роботов.

— И вы смирились?

Юля открыла глаза и посмотрела на Ивана так пристально, что ему стало не по себе. Ее лабиринтовидные глаза манили в пропасть.

— Знаете, Иван, — сказала она тихо, — вы только что поссорились с тремя самыми неприятными людьми на фабрике. У вас горят глаза. Вы думаете, что сможете что-то изменить. И это прекрасно. Но подождите пару месяцев. Когда план начнёт гореть, когда «Гайя» выдаст очередной критический сбой, когда Вадим начнёт трясти вас по подозрению в производственном шпионаже... тогда мы и посмотрим, останетесь ли вы таким же добрым. Гонка за успехом меняет людей. Я видела это десятки раз.

— Зачем вы мне всё это рассказываете?

— Потому что устала быть единственной, кому не всё равно, — сказала Юля просто. — Ну и потому что вы спросили. Вы знаете, мы слишком долго будем жить на этом предприятии, чтобы играть друг с другом в эти подростковые секреты. Я прямо говорю, как надоело мне работать с имбецилами и видеть их морально-нравственный откат. Надеюсь, с вами такого не произойдет. Иначе даже выпить будет не с кем.

Она достала из рабочего стола бутылку заграничного ликера. «Кто бы сомневался, это очень «женский» выбор ал-

коголя!» - думал про себя Иван, но пил, конечно, с удовольствием. «Женский выбор» оказался лучше, чем классический мужской. Сладость карамельных нот приятно дополняла шоколад волос и глаз, который обещал растаять от прикосновения пальцев.

Поскольку официально перерыв еще не кончился, Иван и Юля могли насладиться отдыхом, пусть и не очень разрешенным способом. Пить на рабочем месте запрещалось. Но не очень строго. Из беседы с Юлей он узнал, что руководство смотрит на такие нарушения сквозь пальцы, пока они не срывают графики поставок. Более того, «порча государева имущества» в виде издевательства над робо-персоналом тоже не была причиной для разборок на планерке. Такие инциденты покрывались из бюджета и не были проблемой для него. «Подумаешь, не бедствуют - пришлют еще!» - говаривали в административных кругах. Сотрудникам жилось несладко только на бумаге. На деле все знали красные флажки, которые нужно обходить железно, а остальное кое-как прощалось. Персонал на «Эпигеноле» был неприкасаемым: нельзя уволить, сократить, отправить на покой. Но за пересечением границ дозволенного следовали по-военному простые меры, о которых не принято было говорить вслух. И все-таки каждый знал, под чем поставил подпись: за разглашение гостайны человека приговаривали к смертной казни. Формально он сидел в тюрьме при административном блоке, но по факту умирал в мучениях онкобольного на последней ста-

дии. Ему просто не давали препарат и позволяли корчиться в припадках до полного изнеможения плоти. Агония длилась недолго, но за это время виноватый полностью раскаивался в том, что натворил. Нетрудно догадаться, что желающих про-верить это не было.

И все-таки Ивану не давала покоя мысль о том, что Ди-ма, Стас и другие «парни» (на самом деле древние пенси-онеры по обычным меркам) ведут себя... неправильно? Не то! «Неадекватно» - это слово больше подходило для опре-деления агрессии, мальчишеских затей и грубых выходов. Они же были стариками, где sudoku? Где шахматы по вече-рам и сетование на чужие нравы? Нееет, дряхлые волшебни-ки под маской если не пионеров, то комсомольцев, вели се-бя как уголовный элемент коррекционной школы. Иван по бисеринке составлял вопрос, чтобы не вынуждать психолога приоткрывать завесу профессиональной тайны, но Юлия буд-то поняла его намеки с полуслова:

— На девиантное поведение некоторых сотрудников вни-мания не обращают по другой причине. Да, их нечем заме-нить и некуда уволить, но это лишь вершина свадебного тор-та, парадный ярус для молодоженов. Основа из того, что наш «Эпигенол» - не панацея от болезни деградации. Нет, это не деменция в традиционном смысле, физически наш потреби-тель - на пятерочку, как и его мозги. Но долгий путь при неумении ходить становится для человека непосильной но-шей. Ведь далеко не все из нас - Вадимы, рыцари без страха

и с пятью образованиями в разных сферах. Кто-то не желает развиваться, находить себе достойные занятия и осмысленные хобби. Образование для них - не повод для знакомства с материалом, а досадная необходимость для получения финансовой стабильности. Дима и его компания дегенератов поступили к нам тогда, когда критерии отбора не были такими строгими. Сейчас поверить в это сложно, но говорят, что в «настоящей» молодости они были для «Заслона» золотом: амбициозные, идейные, крутые. Профи с блестящими рекомендациями на местах. Но постепенно, год за годом, энтузиазм угасал, мотивация «быть лучшим» пропадала, накапливалось раздражение на коллег. «Закрытость» нашей жизни стала для ума «тюремностью». Ребята осознали: ни красную, ни синюю им не предложат, из матрицы пути заказаны. Поэтому и начали они срываться. На людей не получается - есть реальные последствия. К «живым» отсекам фабрики никто их не допустит, объект повышенной опасности. Остаются только роботы. Невинные агнцы отпуска. И, конечно, с каждым годом этот негативный тренд усиливается. Но то, что мы увидели сегодня... Честно, Вань? Мне захотелось на хер все это послать и просто убежать отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.